

ДОЧЬ ПРОФЕССОРА

1

Марина Прокопьевна Попова, в девичестве Лисовская, вышла замуж и не так чтобы рано, но и без задержек: учась на последнем курсе института. Жених ей попался красивый и завидный. Но было всё же в её браке что-то такое, что вызывало и задумчивые, даже недоуменные взгляды, и досужие разговоры, и шепоток за спиной, и даже недовольство родителей. Причем и с той и с другой стороны. Мезальянс? Может быть. Только какой-то неправильный он, странный, что ли, мезальянс, перевернутый с ног на голову.

Ведь что подразумевает мезальянс – неравенство брачующихся сторон, или возрастное, или социальное. Но с этой стороны – всё в порядке: жених, Саша Попов, всего на три года старше Мариночки. В социальном плане – у Мариночки среди ближайшей родни за последние двести лет было двадцать профессоров, пять писателей, три адвоката и два министра, и живет она с мамой и папой в обычной четырёхкомнатной профессорской сталинке. А у Саши Попова папа – генеральный директор какого-то Федерального зернового союза и председатель совета директоров какого-то Агротехбанка, и ещё есть куча всяких контор, которые он возглавляет. Да и в советские времена Сашин папа чем-то по снабжению солидным рулил.

Вот тут-то и скрывалась та самая закавыка, из-за которой косо поглядывали на Мариночку в семье все. По воскресеньям в доме про-

фессора без приглашения собирались всякие и близкие, и не очень близкие родственники – такова была давняя традиция, а традиции надо создавать, лелеять и беречь, ибо от давности традиций зависит и глубина культуры. Так вот, как-то раз на таком сборище в доме профессора зашел почти научный спор о предстоящем замужестве Мариночки. К тому времени даже ещё не решен был вопрос со свадьбой, но среди пришедших на пироги всяческих родственников оказалась двоюродная бабушка, переводчица древнегреческих текстов в издательстве «Наука», где она в позапрошлые времена вместе с академиком Гаспаровым работала. Так вот эта бабушка так прямо и сказала:

– Ты что же к ним, в качестве прачки или кухарки идёшь?

– В смысле? – встрепелась Мариночка.

– А в том смысле, что ты же читала Марселя Пруста «В сторону Свана»? Там сын нотариуса женится на принцессе какой-то, что ли, но в глазах всех своих родственников он опускается до уровня авантюриста. Так дамы высшего света дарили благосклонностью иногда своих кучеров. Это ведь мезальянс, голубушка, только в инверсии. Ты из почетного положения дочери профессора превращаешься...

– Перестань, бабушка, я не хочу тебя слушать, а может, и любить больше не буду, если ты не перестанешь.

– Да, наверное, не перестану. У твоего, этого, по-моему, даже высшего образования нет!

– Да, нет! – с вызовом отвечала Мариночка.

– Ну, а школу-то хоть он окончил?

– Нет, и школу он не окончил.

– Ну, я так и думала. Сову по полёту видно.

– Что это значит?

– Потом узнаешь, да поздно будет.

В разговор по очереди вступали все родственники, а Мариночке приходилось только отстреливаться.

– Господи, а я-то, сумасшедшая, ломалась-ломалась, бегалась-договаривалась: тебя же, дуру, в Голландию на стажировку на три месяца берут, – это уже мамочка родная, заведующая кафедрой начертательной геометрии в строительном институте, где Мариночка училась, вступила в разговор и обратилась ко всем присутствующим: – У неё, у нашей дуры набитой, курсовой проект опубликовали в сборнике студенческих работ во Франции. Самому великому Ренцо Пиано, итальянскому дизайнеру и архитектору, который сейчас оформляет набережные в Голландии, очень понравились трёхгранные пилястры, которые придумала наша Мариночка, и он приглашает её поработать в своей группе. Я уже и в ректорате договорилась, что Мариночку в творческую командировку в Голландию на три месяца отправляют. А там, может, и учиться ещё будет возможность остаться. Ну, что тебе – приспичило, что ли, замуж-то?

– Ничего мне не приспичило. А если вы о чем-то нехорошем, то я вообще-то ещё девушка. Я люблю его, и он меня любит. А если вам с вашими повышенными образованиями и знаниями это вполне человеческое состояние незнакомо, то мне вас очень жаль, и помочь я вам уже ничем не смогу. Хотя всех вас я очень люблю и уважаю до пятого колена и гарантирую, что и семья у меня будет, и дети с мужем будут, и профессором в сорок лет я буду. У меня всё получится, если вы мне будете не мешать, а помогать.

– Ну, что же, – как-то уж очень скорбно подвел итог воскресной родственной встречи Мариночкин папа, доктор медицинских наук, специалист по онкологии, – *damnatio ad bestias**.

– Давеча не значит таперича, – парировала его сентенцию Мариночка.

– Что ты имеешь в виду?

– Да то же самое, что и ты. По-моему, ты единственный в этом доме понимаешь меня, но хочешь сохранить себя на всякий случай.

– Дело не в этом. Просто я тут с полгода назад в каком-то вестнике судебной медицины прочитал странную и, как мне тогда показалось, даже смешную статью. Я бы позабыл про неё. Но вот сегодня... Автор – немец, доктор наук, психолог рассматривает брак и в частности рождение первого ребёнка в зависимости от физиологического состояния женщины. Оказывается, не так уж и много у женщины возможностей забеременеть. Описывается большое количество случаев, когда женщины, не беременевшие много лет, вдруг точно знали и заявляли: «Я вчера забеременела!» А ещё удивительнее случаи, когда безнадежно бесплодные женщины знали, что вот сегодня они могут забеременеть, и беременели. И женихи, которые по многу лет ухаживают за дамой сердца, ждут и часто дожидаются, когда дама созреет и будет готова. Так же часто мы можем удивляться случайным беременностям от случайных связей, когда рядом были достойные и приличные партии и даже возможности замужества. Ну, в общем, такая смешная статья. Я пересказываю сейчас её содержание безотносительно к нашей ситуации, но если природа распорядилась так, как вышло, то надо знакомиться с мальчиком, с его родителями и решать практические вопросы.

2

В Мариночке росту метр семьдесят пять, музыкальную школу она окончила, изостудию, школу с углублённым знанием английского языка и в большой теннис ещё с десятилетнего возраста регулярно играла. Ну и, конечно, красавицей она была, как и почти все девушки, которые замуж уже собрались.

Как и Мариночка, её жених Саша Попов был единственным ребёнком у своих родителей. Школу он действительно не окончил: в пятнадцать лет решил начать самостоятельно деньги зарабатывать. Парнем он был упрямым, с родителями поругался и стал помогать на вещевом рынке своим тёткам родным, которые челноками гоняли в Турцию да в Грецию за дешевыми импортными шмотками. С первых же более-менее приличных и честно заработанных денег он решил заняться самостоятельным бизнесом: возить из Польши и продавать французскую косметику. Соблазнил Саша посулами ещё двоих своих друзей детства: один из них ради бизнеса институт бросил, другой давно искал, к кому бы прислониться. Дело пошло хорошо, был у Саши талант: занимать пустующие ниши. Отец даже дал ему денег, кредитовав расширение бизнеса. Только вот тот второй компаньон украл у своих подельников все деньги и скрылся в неизвестном направлении навсегда. А первый, почувствовав, что не все деньги сладкие, плюнул на Сашин бизнес и восстановился в институте. Отец сыну долг простил, внутренне ухмыльнувшись: урок банкротства в бизнесе бывает

* Предание зверям (*лат.*).

очень полезным, и взял его помощником, посвящая в свои многочисленные операции.

Инициатива в знакомстве моих героев была на стороне Марины. Она заприметила Сашу ещё зимой в спортивном зале, куда они с подружкой ходили играть в теннис. А уже летом, когда встретила его случайно на улице, то поняла она по любопытному взгляду, что и мальчик её узнал. Марина запросто подошла к нему и спросила:

– Тебя как зовут?

– Саша, – ответил тот. – А тебя?

– Марина. Купи мне мороженое, – ответила Марина и посмотрела на Сашу довольно лукаво и в то же время вопросительно.

Так у них вроде всё и срослось, в смысле знакомства.

Непонятно, что у них было общего, если даже то, в чем они были равны, им только мешало: оба они как единственные дети своих родителей были до безобразия избалованы и тщеславны.

Саша привел своих родителей знакомиться с Мариночкиными в одно из воскресений. Выпили те вчетвером бутылку коньяку французского да два чайника чая (хотелось написать «два самовара», да только из самоваров почти никто и не пьет теперь в городе-то), съели пирог с капустой да пирог с малиной.

Под свадьбу сняли теплоход с ресторанами, буфетами, оркестрами. С молодыми спустились по Волге километров на тридцать под музыку, да под шампанское, да под «горько» до какого-то села с разрушенной церковью. Оттуда свадебный кортеж обвенчанных детей должен был доставить в аэропорт, а там уже и дальше: в свадебное путешествие на круизном лайнере по Средиземному морю.

– Медовый месяц пусть во грехе поживут, а потом надо будет повенчать их, – заявил Иваныч, глядя на полуразвалившийся храм, стоящий высоко на волжской горе.

Сашин папа, которого звали просто Иваныч, как он сам всех просил, был человеком очень категоричным, и Мариночкины родители, сразу уловив это, соглашались с ним во всём. Тем более что тот взял все и расходы, и заботы по свадьбе на себя, ничего не требуя от своих, как бы только ставя их в известность. Человеком он был более чем состоятельным. Часто он то ли прикидывался, то ли действительно уже и не представлял: чем он владеет, а чем уже нет! А чем уже снова владеет.

Был у него и коттедж в ближнем Подмоскowie, где жили только два сторожа да друзья иногда заезжали погулять – сам он, прибывая в Москву по делам из своей провинции, останавливался всегда в гостинице «Рэдиссон Роял», где его все знали. Был у него и дом в Испании, который он ремонтировал уже пятнадцать лет, перестраивал и все время оставался недоволен, – летал он туда раз в год. Что у него было ещё, он не помнил, как не помнили этого и все его адвокаты и помощники. В общем, Иваныча достаточно хорошо знали в различных кругах (не будем уточнять – в каких!), и жизненный принцип у него был очень простой: я сделаю все, что смогу, но и вы сделайте всё, что сможете!

Оказалось, что для молодых у него квартира уже есть: уютная, трёхкомнатная, в элитном доме, с подземной парковкой, с закрытым двориком, со сторожем и консьержем.

Через год Мариночка родила своего первенского мальчика. А ещё через два года – второго. А ещё через четыре она не смогла защитить

уже написанную и подготовленную к защите кандидатскую диссертацию, потому что была снова беременна, и родила она двойню, двух очаровательных девочек.

Иваныч души не чаял в своих внучках. Если к пацанам-внукам, как когда-то и к своему сыну, он относился сурово, то от девочек, после того как они начали бегать, да чего-то лопотать, да целовать и обнимать своего деда, он просто таял. Семейство разрослось значительно, и стал Иваныч требовать от молодых, чтобы те перебирались жить в его большой дом, который он перестроил так, что появилась возможность двум семьям существовать в нем практически не общаясь. Даже гараж перестроил: был на две машины, стал на четыре. Дом был действительно большой: бывший сельский клуб с облагороженным зелёным участком за трёхметровым кирпичным забором, когда-то за городом, а теперь уже и не за городом. Были на этом участке размером чуть меньше гектара и беседки для чаепитий и разговоров, и баня с зимними крытыми верандами, и летняя кухня с камином, в котором можно на вертеле зажарить если не быка, то уж барана-то или телёнка точно. В таком доме, по моему представлению, пехотный батальон времён Великой Отечественной войны мог спокойно разместиться на постой.

Молодые согласились.

Хотя и Саша, и Мариночка подспудно понимали, что не желание каждый день общаться с внучками стоит за новой идеей Иваныча, а что-то другое. И это другое было понятно всем: похоронил Иваныч свою половину, Сашину маму. Сожрал её рак моментально, на корню, да так, что, казалось, и хоронить-то будет нечего. Саша как-то легко перенес эту утрату, а Иваныч просто рвал себя изнутри на части – так тяжело воспринял он уход супруги.

3

Незаметно, но уже со времени рождения первого сынишки практически членом новой Мариночкиной семьи стала няня, Зинаида Викторовна. Она стала няней и второму сыну, а вот теперь и с девочками возилась. Была Зинаида Викторовна доцентом пединститута когда-то, но когда на эту научную зарплату не то что новую книгу купить, но жить-то приходилось впроголодь, пошла она в няньки. Занималась она с ребятишками и музыкой, и английским, и гулять ходила, и книжки читала. Марине с ней было легко, она даже вроде не волновалась, когда ненадолго куда-то уезжала и оставляла детей на Зинаиду Владимировну, которая могла пожить с ними несколько дней. А как дочки чуть-чуть подросли, повадились Мариночка с Сашей летать по заграницам раз в два-три месяца: иной раз покупаться в теплых краях, а то так и просто погулять. Когда у Саши что-то не срасталось по времени, Мариночка и сама могла сгонять в Милан за какими-то шмотками для детишек: маечки, трусики, курточки, обувку всякую.

Перебравшись на новое место жительства, большое семейство Марины не просто заняло свою половину дома, которая была больше чем безобразно большой, – оно практически оккупировало весь дом благодаря вездесущим детям с их шумным и все заполняющим играм. Матовые дубовые панели, никелированные и стальные поручни и обкладки, сотни скрытых светильников с приглушенным светом и сияющие дорожные люстры делали дом Иваныча похожим на турец-

кий пятизвёздочный отель. Теперь же детские горшки, стоящие то на лестничных пролетах, то под столом в гостиной или на кухне, разбросанные по всем комнатам игрушки и книжки, рисунки фломастером на кафеле, а то и на обоях, пепельницы с окурками (Мариночка начала курить) стали превращать сказочный дворец, построенный Иванычем, в жилой дом.

А курить Мариночка начала потому, что после третьей беременности и родов опуститься ниже восьмидесяти килограммов она уже не смогла: так и болтался этот новый вес, иногда поднимаясь до гадкого центнера.

Были и ещё постоянные обитатели в этой усадьбе Иваныча. Во-первых, это живущий тут же дядя Коля, который был в доме «мужиком на все руки»: и садовник, и шофер, и электрик, и сантехник. Он был всю жизнь рядом с Иванычем, и никто уже не задумывался – откуда он и почему здесь живёт.

Была ещё приходящая уборщица, дальняя родственница покойной супруги. В обязанности её входили всевозможные действия по поддержанию порядка и чистоты в доме и во всех остальных постройках.

Жил ещё в усадьбе огромный пес-кавказец, которого держали в огороженном запертом вольере, откуда его не выпускали теперь даже на ночь. Был он уже старый. И вообще, с появлением детей пора было задуматься о том, как от него избавиться.

Постепенно, следуя за детьми, весь этот дом стал зоной постоянной ответственности Зинаиды Викторовны. И как-то все с этим не просто смирились, а даже обрадовались. Потому что хозяйка в доме нужна. И дядя Коля, и приходящая уборщица радостно перешли под командование Зинаиды Викторовны.

Истинная причина всей этой пертурбации и переезда Мариночки с семьёй в дом к Иванычу крылась, конечно, в другом: Иваныч после смерти супруги просто начал на глазах дряхлеть. Ему вдруг стало лень работать: встречаться с партнёрами по бизнесу, что-то придумывать, чего-то ждать, кого-то кормить обещаниями, кого-то наказывать. Такое редко бывает с активными мужиками, но бывает. Иваныч ждал, что это дурацкое состояние пройдет, но оно всё тянулось и тянулось – тянулось уже больше года. И дело тут не в возрасте, хотя и приближались семьдесят. Пора дела было передавать Сашке, а для этого он должен быть под боком. Хотя ничего не скажешь, из глупого пацана умный вырос мужик: и схватывает все на лету, и дружить умеет с нужными людьми.

К родителям своим Мариночка теперь ездила в гости совсем редко: только с Новым годом поздравить да с днями рождения. А так чтобы чаю попить, да поговорить, да чтобы ещё и с внучатами – вообще не бывало. Правда, заскакивала каждый раз на минутку после заграничных вояжей своих, чтобы вручить какой-нибудь сувенирчик. Но редко она даже раздевалась в своём родном доме: всё больше наскоком, в прихожей в щечку мамулю чмокнет, сунет, стесняясь, ей какой-нибудь сверточек и побежит куда-то. И всё скороговоркой: будто оправдывается в чем-то, будто виновата, будто украла что.

Это совсем выбивалось из понятий её папы и мамы, которые почему-то считали, что встречи близких родственников, которые живут в одном городе, должны случаться каждую неделю. Но ездить в гости к Иванычу было профессорам не с руки, и чувствовали они себя в этих гостях неудобно.

Папа при этих редких встречах в прихожей начинал язвить, поминая о какой-то диссертации:

– Где же она, твоя обещанная диссертация?

– Мои четыре диссертации написаны, бегают по дому, и мне их надо ещё много-много лет защищать, – в том же духе отвечала ему Мариночка.

– Разденься, сядь, посидим, поговорим, – говорила при тех же встречах мама.

– Ой, мамуля, – отвечала впопыхах Мариночка, – в парикмахерскую я записана.

Были варианты: «в солярий», «на фитнес», «в автосервис», «в бассейн».

Саша полностью ушел в бизнес, который перевалил на его плечи Иваныч, и не бывал дома с раннего утра до позднего вечера. А Мариночка, видимо, родилась не научным работником, а домашней хозяйкой. Поварихой она стала прекрасной, дети у неё ухоженные, здоровые, умненькие, рубашку Саше своему каждое утро свежую, выглаженную подаст, галстук завяжет. Хотя времени у них с Сашей на личную жизнь почти не оставалось – только перед сном удавалось Мариночке с ним, усталым и вымотанным, перекинуться парой слов и предложить какое-нибудь мероприятие на выходные. Саша со всеми предложениями соглашался, но Мариночка понимала, что планы всегда могут измениться. Мариночка всё понимала! Она была умная и сильная – в этом она сама себя убеждала каждый день, и это у неё получалось.

Как-то раз она, вернувшись из школы с родительского собрания не очень поздно, застала Зинаиду Викторовну сидящей на нижней ступеньке лестницы, ведущей на второй этаж, всю в слезах. Сверху разносился на весь дом ревущий голос Иваныча:

– Зинка, я тебе не то что по шее – я тебе ещё и жопу дубцом напорю, курва рваная. Сказал же тебе, вошь лобковая, чтобы чай мне на второй этаж принесла. Дети у неё! Дети твои подождут, если я позвал.

Мариночка встала как вкопанная. Что-то у неё поднялось – она почувствовала – прямо из чрева, через грудь и загудело в голове.

– Зинаида Викторовна, это он что – вас обидел? Это он с вами так разговаривает?

Зинаида Викторовна посмотрела на Мариночку глазами, полными слёз, и промолчала.

Как была, в модном длиннополом плаще-тренкоте от Бёрберри, с сумкой Hermes Picotin через плечо, она поднялась по лестнице и уперлась лицом в лицо со своим свекром Иванычем. Тот стоял, облокотившись на перила, в своей домашней, полосатой, похожей на больничную, пижаме.

– Послушай, ты, старый козёл, – сказала Мариночка почти спокойно, едва сдерживая свой гнев, – если ты хоть раз ещё посмеешь поднять голос на Зинаиду Викторовну, если я только узнаю об этом, я тебя не только с лестницы спущу, но только ноги переломаю – я тебе башку отшибу. Я тебе это точно говорю, и ты можешь в этом не сомневаться. Зинаида Викторовна ухаживает за моими детьми, заботится о них и воспитывает их, и ты должен относиться к ней как к своей любимой и ненаглядной. Понял? Если только я узнаю... Не посмотрю на твоё коммунистическое и бандитское прошлое.

Иваныч оторопело смотрел на эту крупную гневную красивую женщину, и всколыхнулось в нем что-то знакомое, но забытое, и испугался он, и понял он, что эта женщина обязательно сделает то, что обещает.

Вечером случился с Иванычем удар – инсульт, если по-научному.

Потом восстановился Иваныч. Три недели в больничке провалялся да месяц в доме отдыха, куда чуть не каждый день ездили к нему все: и сын Саша, и Мариночка, и внуки, и дядя Коля, и даже Зинаида Ивановна.

Восстановился Иваныч да, видимо, не совсем. Вернувшись домой, он больше все на диване лежал, а то и в постели своей, не вставая попустому: только если по нужде да за стол общий покушать. И ещё – немножко хитрить он начал: подзовёт внучек своих и уговаривает, что, мол, если мамка вам книжку будет на ночь читать, приходите ко мне, чтобы она и мне почитала. Девочки маме своей все доложат, а та не возражала: шла с дочками вечером в комнату к старику и читала вслух «Колобок» или «Рукавичку».

Чувствовала и Мариночка свою вину.

УРОКИ ГРУЗИНСКОГО

Приезжая в чужой город, всегда стараюсь попасть на местный базар. Вот где можно сразу разглядеть, какой народ живет в округе, и какие грибы-ягоды в здешних лесах растут, и какая рыба в реке-море водится, и какие плошки-матрешки промысловики-умельцы руками мастерить могут. Хотя с национальным составом не разберешься: на рынках и базарах много приезжих торговцев, так было и двести лет назад, и сейчас так. Но некоторые колоритные местные особенности все равно можно разглядеть: я помню, как мы с моим другом, к которому я приехал в гости в Тбилиси, бродили по центральному рынку, и он искал, чтобы меня угостить, сыр домашнего приготовления. Ему нужен был сыр, который приготавливался если не в его селе, то хотя бы в его районе: там, в горах, где он родился и вырос. Так моя бабушка в детстве на базаре всегда спрашивала – из какого района картошка, из Лысковского или из Спасского.

Многие рынки знамениты на весь мир: «египетский базар» в Стамбуле, на котором продают лучший в мире кофе, умопомрачительные барахолки в Париже «пуке», в переводе на наш – «блошиный», это название разбежалось по всем городам земли, или каирский рынок Хан, о котором можно рассказывать часами. У нас в стране есть тоже прославившиеся на весь мир рынки: Черкизон московский или Привоз одесский. Да что там Москва и Одесса – с незапамятных времен в самых небольших городках и селах центральное место – базарная площадь; можете даже не спорить, рассказывая про фонтаны, памятники Ленину или церкви и мечети.

У нас в городе тоже есть несколько рынков, про каждый из которых можно написать книгу. Но книгу в следующий раз, а вот пару слов я должен сказать. На площади Сенной был Сенной рынок, и пока его не перенесли поближе к автостанции после открытия Большого трамплина, самого большого в стране, торговали на нем семечками, картошкой и квашеной капустой. И стояли понуро, засунув свои большие головы в холщовые торбы с овсом, деревенские лошади, притороченные к деревянным пряслам из оструганных слег.

Когда-то, видимо, здесь велась торговля сеном, которое привозилось из деревень, отсюда и название. Но когда был открыт трамплин и стали у нас в закрытом городе проводиться крупнейшие всесоюзные соревнования, да и международные, то в такие дни мужское население просто сходило с ума. Трамваи Городского кольца шли на Сенную облепленные пацанами и мужиками: висели на подножках, ехали на крышах, на колбасе убиралось по пять человек. Все мальчишки города в возрасте от десяти до пятнадцати лет бредили первыми чемпионами и рекордсменами трамплина: Солдатов, Князев, Сахарнов, а потом героями ста-

новились Самсонов, Коба Цакадзе. А будущие чемпионы СССР и мира Веретенников и Гарик Напалков тогда ещё и сами пацанами были.

Вот толпы болельщиков и смели, и вытоптали Сенной рынок. Сначала он перебрался на другое место, чуть подальше, а потом и вовсе скончался.

На Средном рынке, что напротив телецентра, мы с пацанами продавали желтогрудых чижей и пёстрых щеглов, которых ловили сетками и чапками в оврагах Пушкинского садика. Ещё, помню, там сидел старик-китаец дядя Лю, он торговал гипсовыми, ярко раскрашенными какими-то просто ядовитыми красками кошками со шелкой на башке (копилка такая), и их охотно у него покупали.

Мытный рынок был для богатых, или, как их ещё называли, «деловых». Там если и не найдешь сразу того, что надо, то можно было заказать диковинное лакомство на свой вкус, и на следующий день всё будет привезено из Москвы, если у местных не найдется. И до сих пор хорошую черную икру из-под полы и живую сурскую стерлядь можно купить только там.

На Маяковке, в смысле на Рождественской, был тоже базарчик, затевавшийся между домами, но был он победнее Мытного.

Да что про все эти базары вспоминать – главным рынком города всегда был Канавинский. Главным его делала близость к Московскому вокзалу и ещё, конечно, память о гудевшей когда-то рядом Нижегородской ярмарке.

Вспоминая, я сейчас не могу понять – почему мы так любили болтаться по всяким базарам и рынкам. Хотя в детстве на всё времени хватало: и на школу, и на футбол, и на кружки какие-то в домах пионеров, и на личные секретные увлечения.

С Жоркой Дадияни я познакомился на трамвайной колбасе: я прыгал на ходу, и он мне помог зацепиться за какой-то выступ уже идущего трамвая, мы ехали смотреть прыжки с трамплина. Чемпионом страны стал Коба Цакадзе, Жоркин земляк. Жорка тогда умудрился с ним сфотографироваться и долгое время хвастался в школе этой фотографией.

А близко я с Жоркой сдружился, уже занимаясь в авиамodelьном кружке, куда я ходил несколько лет и куда затащил его. Этот районный Дом пионеров, где мы строга́ли, резали и клеили, располагался в большом бывшем купеческом особняке и выходил своим заросшим садом, а может, даже небольшим парком прямо на стадион «Водник», где мы и испытывали свои самодельные самолеты. Там мы крутили кордовые модели, заправляли эфиром таймерные, разгоняли планеры.

Жорка пришел в нашу школу в шестом классе, жил в соседнем дворе, и откуда он к нам свалился, мы с пацанами долго не могли понять. Жорка был маленький, худенький, жилистый, с огромной гривой длинных черных волос. Кроме авиамodelьного кружка он ходил в музыкальную школу, где учился играть на гитаре, гонял с нами в футбол и никого не боялся. Я даже неправильно выразился.

Мы все в те годы ходили с ножами в кармане, и не для того чтобы в случае необходимости ткнуть кого-то в бок, а просто многие наши мальчишьи игры были связаны с ножичками или что-то на ходу изготавливалось с их помощью: луки, стрелы, рогатки, кораблики, да мало ли. Ножи были у всех разные от «школьных» и «шахматных» до охотничьих с выкидными лезвиями и «финских» с наборными ручками.

Так вот, однажды какой-то дядька в нашем школьном дворе, где мы собрались покурить после уроков, застав нас, треснул Жорку по затылку

и велел нам сматывать удочки и идти по домам. Если бы вы видели, а мы-то видели, как он бежал от Жорки, когда тот вынул из кармана нож. И Жорка бы пырнул его, если бы дядька не успел вскочить на подножку проходящего трамвая.

Жил Жорка с матерью в комнате с подселением в коммунальной квартире, где на кухне кроме них были ещё три хозяйки. Маму Жоркину звали Машей, она была очень красивая и совсем не грузинка, а самая настоящая русская, хотя мы знали, что они с Жоркой переехали к нам в город из Грузии, где у Жорки убили отца. У неё была большая русая коса, которую она укладывала халой на голове, и василькового, даже небесного цвета глаза. Жорка мать свою очень любил и помогал ей во всем, даже совсем не мужском: таскал на двор в тазу стираное бельё и помогал его развешивать, ходил с ней на базар и пер оттуда тяжёлые авоськи с картошкой или капустой. В общем – заботился.

Мы в детстве обычно знали друг про друга всё. Но вот у Жорки был какой-то секрет, который нам разгадать долгое время не удавалось. Довольно часто мы прогуливали уроки, чтобы сходить в кино, проверить незапертый сарай на предмет чего-нибудь пожрать или просто погонять в футбол. И всегда мы прогуливали небольшой компанией в три-четыре человека. Как правило, в нашей компании оказывался и Жорка. Но иногда, раз в неделю, а может, через две недели, он бессистемно игнорировал мероприятия нашей компании. Нам он говорил, что ходит на какие-то занятия, но мы знали, что это не так, потому что не может быть занятий без твёрдого расписания.

В такие дни сразу после уроков он садился на трамвай первого маршрута, который шел на Московский вокзал, и куда-то уезжал. Возвращался он обычно часа через три или четыре. Мы спрашивали у него про его поездки много раз, но он отмалчивался или говорил про какие-то важные тренировки, но мы понимали, что он врёт. Предположения мы делали разные – от самых смешных и несуразных до самых страшных и печальных. В конце концов нами, пацанами нашего двора, была разработана секретная операция, в результате которой мы должны были раскрыть Жоркины отлучки.

Мы подговорили Машку Чуплыгину из параллельного класса как бы невзначай сесть в тот же трамвайный вагон, что и Жорка, и незаметно проследить за ним. При этом призом для неё была возможность каждый день, пока она не выполнит своей миссии, есть мороженое с Вовкой Сюзёмовым, сидя на скамеечке около трамвайной остановки, с которой должен был отъехать Жорка в неизвестном для нас пока направлении, ждать его, а потом и преследовать. Чуплыгина была тайно влюблена в Сюзёмова и при всем её презрении к нашим мальчишьям затеям отказаться не смогла. К тому же главный приз ждал её впереди: заключался он в том, что Сюзёмов обязался сводить Машку в кино, если ей удастся разгадать засекреченную Жоркину точку. Сидеть на скамеечке с мороженым и в темном зале кинотеатра было удобно – Машка была на голову выше Вовки, такое бывает с девочками в непродолжительный период их жизни, но потом мальчишки это недоразумение, как правило, наверстывают.

Мороженое пришлось есть три дня, и Машка уже вошла во вкус. Кроме того, я был уверен, что она специально провалит операцию, чтобы еще разок через неделю побаловать себя. Однако я ошибся.

Чуплыгина вернулась через два часа и уверенно разыскала всю нашу кодлу на стадионе «Водник», где мы гоняли мяч. Она уселась на три-

бунной скамейке и нетерпеливо постучала по деревянной сидушке, но мы уже и так её заметили и, с интересом поспешая, направились к ней. Даже Сюзёмов поторопился к нашей Мата Хари, которая уже поглядывала на него и довольно плотноядно.

Отчет Машкин был короток и содержателен: Жорка доехал до конечной остановки, потом прошел пешком до Канавинского рынка, ничего не покупая и не разглядывая, прошел до одного из дальних прилавков, где толпились какие-то взрослые мужики, черные, с усами и в больших кепках. Мужики говорил на своем каком-то языке – наверное, на грузинском, потому что Жорка там остановился, а потом и вовсе стал с этими мужиками болтать о чем-то. Грузины его хорошо знали, хлопали его по плечу и угощали орехами и сушеными фруктами.

На следующий день Машка с Сюземовым пошли в кино.

На следующий день Жорка сказал мне, что видел на Канавинском рынке Машку Чуплыгину. И я спросил, не таясь у Жорки:

– А ты зачем едешь на Канавинский рынок?

– А поговорить.

– В смысле?

– Что значит – в смысле? Я хочу говорить на своем родном языке. Я люблю на свете только две вещи: маму и свой родной грузинский язык. Он красивый. Ты знаешь, как красиво поются грузинские песни? Их поют взрослые мужчины на несколько голосов.

– Так у тебя же мама русская, значит – ты русский и твой родной язык русский.

– Нет, я – мингрел. У меня фамилия мингрельская. Это такая есть национальность в Грузии. А мой родной язык тот, на котором я начал говорить в детстве. То есть – грузинский. Ты даже представить не можешь, какой он красивый и музыкальный. Я прямо теплом наполняюсь, когда разговариваю с моими земляками на базаре. А они меня понимают. Ведь когда я вырасту, я вернусь в Грузию. Я должен туда вернуться – ты этого не поймешь. А может, когда-нибудь и поймешь – не знаю.

– А зачем тебе возвращаться в Грузию? Что, тебе здесь плохо?

– Нет, ты не понимаешь! Там моя родина, и я должен вернуться туда. А поэтому я должен не забывать свой язык. Вот потому я и езжу на Канавинский рынок, что бы поговорить с земляками. Это – как на уроки. А потом, я просто скучаю, даже тоскую, когда долго не слышу его.